

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Тобольская летопись и Сибирский архив

В своей книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» Д. С. Лихачев особое внимание уделил взаимоотношению летописи и документа, показывая, что на поздних этапах развития летописания художественный (точнее — литературно обработанный) текст все более уступает место тексту, сходному с документом, а сама летопись начинает играть роль своеобразного архива.¹ В качестве примера Дмитрий Сергеевич приводил сопоставление летописи и посольских сказок, делая вывод о несомненной связи летописания в XV—XVI вв. с делопроизводством, с Посольским приказом в частности. Другие типы документов в книге Д. С. Лихачева не рассматривались.

Вопрос о связи летописания с приказным делопроизводством уже поднимался; как правило, речь в этом случае идет об архиве прежде всего как об *источнике*, поставщике материалов для работы летописца. Так, Л. В. Черепнин видел в авторе Нового летописца сотрудника Посольского приказа, а в материалах последнего — основной источник для работы над летописью.² Долгое время после его работы это мнение не опровергалось, пока В. Г. Вовина детальнейшим образом не проанализировала соотношение содержания Нового летописца с описями архива Посольского приказа 1626 и 1632 гг. и не пришла к выводу, что в летописи лишь пятая часть *могла* быть написана по материалам приказа, но больше половины ее текста, касающегося событий Смуты и составляющего центр всего повествования, основано совсем на других материалах.³

В своем сообщении, посвященном частному случаю использования документа в летописи, мне хочется, с одной стороны, развить упомянутый тезис Д. С. Лихачева, а с другой — отметить некоторые особенности взаимоотношений литературы и документа на последних этапах существования литературы Древней Руси.

Вопрос о связи с делопроизводством чрезвычайно важен для понимания летописных памятников позднейшего периода, и прежде всего XVII—начала XVIII в., когда этот жанр в целом завершает свой путь развития, но еще возникают новые периферийные центры летописания — в Сибири, на Урале, в Устюге и т. п., где во многом повторяются стадии развития ранней летописи,⁴ но широко используются и новые типы источников. При этом сопоставление с доку-

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 354—374.

² Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Изв. М., 1945. Т. 14. С. 86—97.

³ Вовина В. Г. Новый летописец и архив Посольского приказа // ВИД. СПб., 1993. Т. 24. С. 254—264; Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 200—210.

⁴ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (История русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 124—125.

ментами может быть проведено наиболее легко благодаря тому, что документальная база позднего источниковедения лучше сохранилась и наиболее богата.

Помимо традиционного источниковедческого аспекта данного вопроса, характерного, в частности, для работ Л. В. Черепнина и В. Г. Вовиной и, несомненно, важного для истории каждой конкретной летописи в связи с общим исследованием источников того или иного памятника, можно говорить о влиянии архива, приказного делопроизводства и *на структуру летописей*.

Эти явления наиболее наглядны в позднем сибирском летописании, которое представлено и «первоначальными» летописями, еще не ставшими сводами, и своеобразным летописным сводом, созданным в Тобольске как непосредственное продолжение Распространенной редакции Есиповской летописи (в историографии он более известен под названием «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», как в рукописях озаглавлена вторая его часть, «прибавленная» к Есиповской летописи). Сибирский летописный свод текстологически наиболее полно изучен Н. А. Дворецкой и опубликован в шести разновидностях (пять редакций и один вид).⁵ Наблюдения над текстами разных его редакций послужили для меня основным материалом.

При своем анализе Н. А. Дворецкая, определяя редакции, естественно, опиралась прежде всего на их индивидуальные особенности (отголоски раннего летописания и включение московских известий, полученных через Новый летописец, в Книге записной; особые сведения о томских воеводах в Томском виде, о посольстве в Китай Ф. А. Головина в Головинской редакции и т. п.), лишь оговорив общие и специфические черты этого памятника во всех его редакциях: расположение материала по годам правления тобольских воевод, исключительное внимание к росписи административных лиц и церковных иерархов Сибири.⁶ Мне представляется необходимым рассмотреть именно эту структуру и ее источники.

В чем специфика Сибирского летописного свода? Он существенно отличается от издревле сложившегося типа летописей, куда наряду с краткими погодными записями вносятся и подробные рассказы (повести) о тех или иных событиях; именно они в первую очередь придают летописи характер не только исторического, но и литературного повествования. Такая открытая литературность характеризует только первоначальную часть свода — Есиповскую летопись, в продолжающем ее «Описании о поставлении городов и острогов...» литературности почти нет, она наблюдается только в частях, которые могут быть элементами не дошедшей до нас тобольской летописи 1640—1670-х гг. Такие более подробные рассказы сохранились в основном в ранней редакции свода — Книге записной (1687 г.). Уже в Головинской редакции (1689 г.) сокращаются начальные рассказы и формализуются сведения о воеводах, прежде всего путем исключения упоминаний о мелких бытовых тобольских деталях; подробно (как, впрочем, и в других разновидностях свода) описываются здесь лишь события последних 10—15 лет.

В последующих редакциях «вымывание» подробностей продолжается. Так, подробно описанный в Головинской редакции пожар 1662 г. в Тобольске в Нарышкинской редакции (1694 г.) упоминается наравне с другими; достаточно сравнить тексты:

«Того же 170-го году мая в 17 день был в Тоболску пожар под горою, загорелася юрта на дворе у бухаретина у Сеткула Аблина. И от того выгорели тотарские юрты все без остатку по самую речку

⁵ См.: Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36, ч. 1. С. 138—379. Далее ссылки на летопись по этому изданию в тексте в скобках.

⁶ Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод... С. 28.

Курдюмку по обе стороны и мосты, и лавки, и церковь Владимирские Богородицы, и колокольня, и русских людей дворы, и лавки, и кузницы — все выгорело. И от того пожара городова угловая башня загорелась. И ис соборные церкви и по всем дворам и из лавок в погребы и за острог убрались. И милостию Всемилостиваго Спаса сохранен бысть град Тоболск» (Головинская редакция, с. 205—206).

«Того ж 170-го году был в Тоболску пожар под горою, згорела Богоявленская церковь и у многих русских людей дворы и торги, и мост, и татарские юрты все до одной» (Нарышкинская редакция, с. 271).

Сведения традиционного характера (о постройке церквей и монастырей, пожарах и строительстве Тобольска), как правило, кратки и сближаются с погодными записями, например:

«Того же 185-го году июня в 2 день в Тоболску начали острог ставить по городской стене, где стоял рубленой город, и поставили в 5 дней» (Головинская редакция, с. 212).

«Того же 188-го году в мае месяце Тобольского уезду в селе, именуемом Абалаки, от молнии згорели две церкви да колокольня в 17 день в вечеру» (Нарышкинская редакция, с. 276).

Зато уже в Нарышкинской редакции особо подробно отмечена деятельность не только воевод, но и ряд дьяков и подьячих. Это вполне объяснимо: в конце 1680-х гг. летописная работа переносится из архиерейского дома, главного центра литературной деятельности в Тобольске первой половины XVII в., в воеводскую избу, где в ней принимают участие как воеводы, так и подьячие. Именно тогда, по-видимому, в Сибирском летописном своде стала вырабатываться структура, связанная с делопроизводством.

Как уже говорилось, центральное место в своде занимает перечень воевод, дьяков, подьячих и письменных голов как Тобольска, так и других сибирских городов, причем само изложение событий ведется по годам правления тобольских (главных для Сибири) воевод, т. е. по трехлетиям правления последних. Например:

«А з 160-го году августа з 13-го числа да по 164 году были в Тоболску столник и воеводы князь Василей Иванович Хилков да Абаим Федорович Болтин, дьяки Богдан Обобуров да Григорей Углев, письменные головы Иван Леонтьев сын Полуехтов да Никифор Иванов сын Ельдезин. А на Абаимово место Болтина прислан князь и воевода Иван Иванович Посного-Гагарин. А Обоим взят к Москве <...> На Верхотурье Лев Тимофеев сын Измайлов да с приписью подьячей Михайло Посников. В Туринску Матвей Максимов сын Пушкин <...> На Пелым Петр Иванов сын Львов. А на ево место прислан воевода Петр Измайлов. На Таре Иван Артемьев сын Чаадасв...» (Нарышкинская редакция, с. 269).

В итоге летопись все более стандартизируется, превращаясь в официальный исторический справочник, дающий сведения прежде всего о сибирской бюрократии. Эту роль Сибирский летописный свод играет до сих пор, превратившись в массовый источник сведений о воеводском управлении в Сибири. Насколько он представителен и богат материалами, свидетельствует тот факт, что именно он делается основой соответствующих справочных изданий.⁷ Еще в конце XIX в. К. Б. Газенвинкель опирался на опубликованный текст «Записок, к сибирской истории служащих»,⁸ раннего варианта Сибирского летописного

⁷ Последний по времени и наиболее полный справочник — в работе: В е р ш и н и н Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 149—183. До него существовало два указателя: Г а з е н в и н к е л ь К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века // Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск, 1892; Б а р с у к о в А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М., 1902.

⁸ Записки, к сибирской истории служащие // Древняя Российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 3. С. 104—288.

свода,⁹ в наше время в основу справочника Е. В. Вершинина положены гораздо более полные материалы сибирского летописания, которые уточнены и дополнены сведениями, извлеченными из архивных делопроизводственных материалов.¹⁰

Каким образом и где создавался подобный текст?

Нет никакого сомнения, что летопись писалась в Сибири (Тобольске или Томске): Н. А. Дворецкая убедительно доказала связь редакционных изменений с интересами местных властей. Точно так же несомненно, что свод (учитывая и объем материала) не мог быть создан без использования архива. В первую очередь это был подручный архив воеводской канцелярии, но несомненно, что использовался и центральный архив — Сибирского приказа, главного учреждения, ведавшего всеми делами (как светскими, так и духовными), связанными с Сибирью.

Подтверждением этому служит недавно обнаруженная среди столбцов Сибирского приказа «Роспись сибирским воеводам, которые посланы были в Сибирь со 153-го году [и] в нынешнем во 167-м году».¹¹ Она составлена, как явствует из заглавия, в 1658/59 («нынешнем») г.; эта дата подкрепляется записью о воеводе Кетска под 159 (1650/51) г.: «В Кецком Степан Еуфимьев сын Лутовинин, и ныне в Кецком» (л. 76) — по сведениям Е. В. Вершинина, С. Е. Лутовинов был кетским воеводой в 1650—1659 гг.¹² И последний раздел «Росписи» озаглавлен: «В нынешнем во 167-м году» (л. 80).

В отличие от летописи, «Роспись» указывает даты не по трехлетиям, а ежегодно: «154-го. В Тоболеск боярин Иван Иванович Салтыков, князь Иван князь Семенов сын Гагарин, дьяки Дмитрий Карпов да Третьяк Васильев. На Верхотурье Борис Семенов сын Дворянинов <...> В Туринской острог Федор Григорьев сын Шишкин. На Пелым Андрей Офонасьев сын Давыдов...» (л. 72—73); «156-го. В Томской дьяк Михайло Ключарев. В Ылимской Тимофей Васильев сын Шущерин. На Лену в Якутской острог Дмитрий Ондреев сын Франзбеков...» (л. 74) и т. д. Нет годов 155-го и 161-го.

Назначения воевод «неравномерны»: может быть одно (153 г. — в Томск князь О. И. Щербатый, 158 и 163 гг. на Березов — соответственно Я. Н. Лихарев, затем С. А. Малой), может быть сразу большая группа. «Массовые» назначения — в годы смены тобольских воевод (154-й, 157-й, 160-й, 164-й, 167-й). Впрочем, такое случается и в другие годы. Так, в 159 г. назначено сразу 13 воевод: «На Тюмень Иван Тимофеев сын Веригин. В Туринской Матвей Максимов сын Мусин-Пушкин. На Пелым Петр Иванов сын Лвов. На Тару Иван Артемьев сын Чаадаев. На Березов Григорий Васильев сын Волков. В Мангазее Игнатей Степанов сын Карсаков. В Кецкой Степан Еуфимьев сын Лутовинин, и ныне в Кецком. В Енисейской Афонасей Филипов сын Пашков да с ним сын ево Еремей, ныне в Даурех. В Кузнецкой Федор Овдокимов сын Баскаков. В Нарым Олферей Петров сын Баскаков, в Нарыме умер. В ево место прислан был ис Томского Семен Володимеров сын Нащокин. На Лену в Якутской острог столник Михайло Семенов сын Лодыженской, дьяк Федор Тонково. На Ленской волок в Ылимском остроге Богдан Денисов сын Оладьин» (л. 76—77).

Если летопись указывает для тобольских воевод даты правления «от» и «до» (см. приведенный пример), то в «Росписи» указана только дата начала воеводства. В летописи подробно расписаны все чины тобольской воеводской канце-

⁹ См.: Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод... С. 20—28.

¹⁰ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 149.

¹¹ РГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), стб. 569, л. 72—81. Далее ссылки на листы указываются в тексте.

¹² Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 158.

лярин (оба воеводы, дьяки и подьячие, письменные головы), в «Росписи» — только воеводы и иногда дьяки.

Не всегда совпадают даты воеводства. Так, под 154 г. в «Росписи» на Верхотурье указан Б. С. Дворянинов. Летопись под 154—157 гг. сообщает: «На Верхотурье Максим Федоров сын Стрешнев да подьячей Федор Посников. А во 156-м году на ево место прислан Борис Семенов сын Дворянинов. И во 157-м году Борис на Верхотурье умре. А на ево место прислан с Тюмени Раф Родионов сын Всеволожской» (Головинская редакция, с. 201; то же в Нарышкинской редакции, с. 268).

Откуда такие расхождения между летописью и документом? Е. В. Вершинин отмечает, что Сибирский летописный свод фиксирует «точные даты *приезда* новых воевод». ¹³ Можно думать, что «Роспись», составленная в Сибирском приказе, указывает даты не пребывания воевод в Сибири, а их назначения на должность.

Для чего была составлена «Роспись»? На ней не сохранилось никаких делопроизводственных помет. Это не черновик, а беловая рукопись. По ее внешнему виду нельзя определить, для чего она предназначалась. Не видно связи и с окружающими ее документами столбца 569, где читаются отписки тобольского воеводы П. И. Годунова (1667—1669) о поисках серебряной руды и о прибылях (л. 27—67), челобитная (1672) тобольского воеводы И. Б. Репнина с просьбой отпустить его из Сибири (л. 19—26), выборка из челобитий (1660-е гг.) архиепископа Симеона (л. 12—18).

Осмелюсь высказать предположение, что этот текст был подготовлен как своеобразная документальная справка для будущей летописной работы — в Москве или в Тобольске. Сопоставление ее с текстом Сибирского летописного свода показывает их чрезвычайную близость, несмотря на отмеченные расхождения. Правда, работа над дошедшими до нас вариантами Сибирского летописного свода велась намного позднее: все они датируются второй половиной 1680-х гг.—началом XVIII в., а «Роспись» включает сведения за 1645—1659 гг. Однако, как уже говорилось, в ранних редакциях свода отмечаются следы несохранившейся тобольской летописи; следовательно, летописная работа в Сибири не прерывалась после создания Есиповской летописи и могла охватывать и 1640—1670-е гг.

Во всяком случае, текст «Росписи» показывает, на какой тип документа ориентировались создатели Сибирского летописного свода при составлении своеобразного справочника сибирской воеводской службы. В позднейших редакциях XVIII в. тенденция к простому перечислению воевод только усиливается, отражая специфические черты позднего летописания.

Впрочем, простое название или перечисление государственных или церковных деятелей постоянно встречается и в раннем летописании. Действительно, такое название составляет едва ли не главное содержание погодных записей — основной структуры любого летописного текста. Встречаются и летописные перечни, например, новгородских владык. ¹⁴

Как мне представляется, отношение составителей летописи к этим перечням в раннем и позднем летописании принципиально различно: в раннем летописании погодные записи и списки, как правило, служат основой для дальнейшей работы, для дополнений и развития темы. В позднем (во всяком случае, в рассматриваемом своде) эти списки составляют *итог* летописи, доказательством чему служит отмеченное постоянное сокращение традиционного повествова-

¹³ Там же. С. 150. Курсив мой.

¹⁴ См.: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец... С. 178.

ния, а не расширение его.¹⁵ Можно отметить следующие этапы развития текста: традиционная летопись — использование документа — превращение летописи в реестр (перечень). Несомненно, что на официальном сибирском летописании сказалось влияние дьяческой среды: уже говорилось, что вся эта работа с конца XVII в. перешла в приказную избу Тобольска. Об этом прямо свидетельствуют обнаруженные Е. И. Дергачевой-Скоп черновики работы над летописью дьяка Максима Романова.¹⁶

Интересно, что в те же годы в том же Тобольске параллельно создавалась «История Сибирская» сына боярского Семена Ремезова — одно из самых ярких художественно организованных сочинений XVII в. о походе Ермака.¹⁷ Происходит как бы расслоение летописного жанра: высокохудожественное историческое повествование С. У. Ремезова, обогащенное агиографическими элементами, создается как частная инициатива, совпадающее же с ним по времени официальное летописание, все больше отражая интересы бюрократии, по структуре своей сближается с документом, превращаясь в реестр.

«Перечневый» тип характерен для позднего летописания. Можно назвать ряд памятников, полностью или частично представляющих своеобразный «реестр» лиц, подвизавшихся на том или ином поприще. Это и «Летописец ростовских архиереев» (начало XVIII в.),¹⁸ и старообрядческий памятник «Родословие часовенного согласия» (XVIII в.).¹⁹ Летопись, таким образом, все более уступает место «росписи», по своей структуре и характеру текста почти совпадая с документом.

Превращение летописи в реестр происходит параллельно с изменением ее стилистики под влиянием делопроизводства, но независимо от конкретного документа. Сопоставляя текст Нового летописца с разрядными записями, В. Г. Вовина замечает, что «сама „разрядная“ стилистика многих сообщений <...> может быть мнимой. Стилль деловой письменности повлиял на литературу. Во многих поздних летописцах мы встречаем те же формулировки, что и в разрядах, воеводских отписках, официальных царских посланиях и других документах».²⁰ При этом, как правило, летопись в значительной мере теряет свои литературные достоинства. «Не выразительность, а именно заурядность и отсутствие индивидуального начала, сходство с известиями разрядов, воеводских отписок, челобитных, посольских списков — вот что отличает стиль летописных компиляций второй половины XVII в.»²¹

Появление документальной структуры отмечается в конце XVII в. не только в исторических сочинениях. Документы целиком вставляются как в антиинико-

¹⁵ В этом, в частности, отличие «Описания о поставлении городов и острогов...» от ранней Есиповской летописи: в последней, как неоднократно отмечалось, строго выдержанная идеологическая концепция Основной редакции была разрушена в Распространенной редакции, создатель которой дополнил повествование новыми найденными им фактами из истории похода Ермака. См. об этом: Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск, 2002. С. 239.

¹⁶ Дергачева-Скоп Е. И. Автограф М. Г. Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 79—102.

¹⁷ Дергачева-Скоп Е. И. 1) Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 3—90; 2) Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья первая // Вопросы русской и советской литературы в Сибири. Новосибирск, 1971. С. 48—70; 3) Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. [Статья вторая] // Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 1974. С. 5—23; Алексеев В. Н. О жанровой специфике Ремезовской «Истории Сибирской»: (Текст и иллюстрации) // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 9—17.

¹⁸ См.: Летопись о ростовских архиереях / С примеч. А. А. Титова. СПб., 1890 (ОЛДП. Вып. 90).

¹⁹ См.: Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1999. С. 65—91.

²⁰ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец... С. 212. Курсив мой.

²¹ Там же. С. 169.

новские сочинения старообрядческих писателей XVII—нач. XVIII в., так и в официальные трактаты с обличением сторонников старой веры. Здесь документ начинает использоваться как доказательство истинности происшествия и, соответственно, правоты в духовной полемике.²² Мне уже приходилось писать о том, что структура документа (прежде всего формуляр следственного дела) наиболее отчетливо используется в агнографии, прежде всего сибирской и севернорусской; эта структура просвечивает даже в поздних редакциях, отличающихся риторической обработкой текста.²³

Вопрос о соотношении литературы и документа в Древней Руси еще ждет детальной разработки. Но можно не сомневаться в том, что на излете летописного жанра документ все активнее теснит его, принимая на себя функцию фиксатора исторического факта. Документ делается важнейшим элементом исторического повествования, и это свидетельствует об изменении отношения к трудам историков. Новый характер исторического повествования в трудах В. Н. Гатищева, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина и других ученых историков XVIII в. оказывается вполне закономерным переходом от средневекового типа историографии к новому времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 72 **Роспись сибирским воеводам, которые посланы были в Сибирь со 153-го году [и] в нынешнем во 167-м году**

В Томской князь Осип княж Иванов сын Щербатово.

154-го.

В Тоболеск боярин Иван Иванович Салтыков, князь Иван княж Семенов сын Гагарин, дьяки Дмитрий Карпов да Третьяк Васильев.

На Верхотурье Борис Семенов сын Дворянинов.

На Тюмень^а //

л. 73 В Туринской острог Федор Григорьев сын Шишкин.

На Пелым Андрей Офонасьев сын Давыдов.

На Тару Григорей Михайлов сын Бутурлин.

В Сургут Смирной Григорьев сын Демской.

На Березов столник Михайло Семенов сын Лодыженской.

В Мангазею Яков Остафьев сын Тухачевской.

В Томской Илья Микитин сын Бунаков.

В Нарым Офонасей Самойлов сын Нарбеков.

В Енисейской Федор Потапов сын Полибин.

В Красноярской Михайло Федотов сын Дурново. //

л. 74 В Кетцкой Гарасим Федотов сын Дурново.

156-го.

В Томской дьяк Михайло Ключарев.

В Ылимской Тимофей Васильев сын Шушерин.

²² Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 162—163. См. также: Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения XIX в. «О Петре I — антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 136—153.

²³ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской литературы переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 83—96.

^а Край листа оборван.

На Лену в Якутцкой острог Дмитрий Ондреев сын Франзбеков.
На Тюмень Селиверст Александров сын Чоглоков.

157-го году.

В Тоболеск боярин Василей Борисович Шереметев, Тимофей Дмитриев сын Лодыгин, дьяк Василей Атарской.

На Верхотурье Раф Родивонов сын Всеволодцкой.

В Туринской острог Василей Борисов сын Конорев. //

На Пелым Иван Микитин сын Пушкин. л. 75

На Тару столник князь Василей княж Ондреев сын Горчаков.

В Сургут столник князь Александр княж Васильев сын Кропоткин.

В Мангазею Федор Исаков сын Байков.

В Нарым Федор Федоров сын Головачев.

В Томской Богдан Андреев сын Коковинской.

В Кузнецкой Григорей Иванов сын Засецкой.

В Красноярской Ондрей Андреев сын Бунаков.

158-го. //

На Березов Яков Никитин сын Лихарев. л. 76

159-го году.

На Тюмень Иван Тимофеев сын Веригин.

В Туринской Матвей Максимов сын Мусин-Пушкин.

На Пелым Петр Иванов сын Львов.

На Тару Иван Артемьев сын Чаадаев.

На Березов Григорий Васильев сын Волков.

В Мангазею Игнатей Степанов сын Карсаков.

В Кецкой Степан Еуфимьев сын Лутовинин, и ныне в Кецком.

В Енисейской Афонасей Филипов сын Пашков да с ним сын ево Еремей, ныне в Даурех.

В Кузнецкой Федор Овдокимов сын Баскаков.

В Нарым Олферей Петров сын Баскаков, в Нарыме умер. В ево место при-
слан был ис Томского Семен Володимеров сын Нашокин. //

На Лену в Якутцкой острог столник Михайло Семенов сын Лодыженской, л. 77
дьяк Федор Тонково.

На Ленской волок в Ылимском остроге Богдан Денисов сын Оладьин.

160-го году.

В Тоболеск столник князь Василей княж Иванов сын Хилков, Баим Федоров сын Болтин, дьяк Богдан Обобуров, а другой дьяк Григорей Углев отпущон во 159-м году.

На Верхотурье Лев Тимофеев сын Измайлов.

В Сургут князь [Н]икифор^б княж Федоров сын Мешерской.

В Томском столник Микифор Осипов сын Нашокин да Аверкей Федоров сын Болтин, дьяк Петр Михайлов.

На Красной яр Михайло Федоров сын Скрябин.

Во 162-м году.

В Тоболеск князь Иван княж Иванов сын Посного Гогарин. //

В Енисейской столник Иван Павлов сын Акинфов. л. 78

^б Край листа оборван.

163-го году.

На Березов Сергей Андронников сын Малово.

164-го.

В Тоболеск столник князь Алексей княж Иванов Буйносов Ростовской.

На Верхотурье столник Иван Савасьянов сын Хитрово.

В Туринском Левонтей Андреев сын Окинфов.

На Тюмень Иван Титов сын Шадрин.

На Тару столник Михайло Тимофеев сын Измайлов.

В Сургут столник Петр Тимофеев сын Кондырев.

В Мангазею Семен Васильев сын Ларионов.

В Томской князь Иван княж Наумов сын Приемков-Ростовской да Алексей Андреев сын Коковинской. //

79 В Нарым Алексей Иванов сын Лодыженской.

В Енисейской Максим Григорьев сын Ртищев.

В Кузнецкой Федор Данилов сын Павлов.

На Красной яр Данило Харитонов сын Мотовилов.

На Ленской волок в Ълимской острог стряпчей Петр Андреев сын Бунаков.

165-го году.

На Пелым новгородец Гарасим Васильев сын Веригин.

На Березов новгородец Иван Матвеев сын Милюков.

166-го.

На Верхотурье столник Иван Богданов сын Камынин.

На Тюмень столник Федор Иванов сын Веригин.

В Тоболеск дьяк Иван Михайлов. //

80 На Лену в Якуцкой острог столник Иван Федоров сын Голенищев Кутузов.
дьяк Иван Бородин.

В нынешнем во 167-м году.

В Тоболеск боярин князь Иван Андреевич Хилков, Одинец Михайлов сын Беклемишев, дьяки Гарасим Головнин, Семен Рмянцов.

В Туринской столник князь Иван княж Иванов сын Мещерской.

На Тюмень Андрей Васильев сын Кавтырев.

На Пелым новгородец Иван Микифоров сын Оничков.

На Тару столник князь Иван княж Миколин сын Шеховской.

На Березов стряпчей Борис Афонасьев сын Зубов.

В Сургут Василей Федоров сын Шетнев.

81 В Мангазею стряпчей Исай Максимов сын К[вашнин]^в //

В Томской Иван Васильев сын Бутурлин, Прокофей Прокофьев сын Поводов, дьяк Алексей Марков.

В Енисейской Иван Иванов сын Ржевской.

В Кузнецкой Василей Дмитрев сын Овцын.

На Красной яр новгородец Андрей Васильев сын Веригин.

На Ленской волок в Ълимской острог новгородец Тихон Андреев сын Вындомской.

В Нарым Яков Иванов сын Золотарев.

^в Край листа оборван, восстановлено по тексту летописи.